

Лолла
Магуи

Её
Соло для
ОДИНОЧКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лола Магнум

Её Соло для одиночки

«Автор»

2026

Магнум Л.

Её Соло для одиночки / Л. Магнум — «Автор», 2026

Когда гаснут софиты, она перестаёт существовать. На сцене ресторана она — голос, ради которого замирает зал. Вне сцены — женщина, у которой нет ни будущего, ни права на ошибку. Три года в её жизни есть только работа, дешёвая квартира да единственная подруга. И ещё — тяжёлый, неотступный взгляд из тёмной ложи. Он приходит не ради ужина. Он смотрит на неё так, словно она — единственный свет в его мрачном мире. Но он не подходит, не заговаривает, не нарушает её одиночества. Никто не знает, что её прошлое — это приговор. Никто не догадывается, что в зале каждый вечер сидит не просто зритель, а человек, который может всё разрушить. Или — наконец-то спасти.

© Магнум Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава	12
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	22
Глава 6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лола Магнум

Её Соло для одиночки

Пролог

— Ах, да! — Диана вдруг оживилась, полезла в сумочку и достала телефон. — Я хотела показать вам кое-что. Веронике — комплимент сделать. Вы там такая страстная... Я и не знала, что вы умеете так... раскрепощаться.

Она нажала на экран и повернула телефон ко мне.

На видео полумрак, маска, женское тело, изгибающееся на постели с широко разведёнными ногами. Мужские руки на бёдрах, стоны, влажные шлепки обнажённых тел... Лица почти не видно, но волосы — точь-в-точь мои. И платье, которое я надевала на прошлый корпоратив.

Земля качнулась под моими ногами.

— Что это? — спросил Лев, и я почувствовала, как его пальцы сжались сильнее.

— Ой, а ты не знал, дорогой? — Диана притворно удивилась. — Вероника Соболева — звезда не только ресторанной сцены. Вот, полюбуйся, на кого ты меня променял, — она сунула телефон Льву под нос. — Обычная шлюха, которая трахается на камеру и зарабатывает на этом деньги. А с виду вся такая недотрога, цветочек...

Я задрожала. Вся, от пальцев ног до макушки.

— Я... Это не я... Это не... — прошептала я, вырывая руки из его хватки.

Глава 1

Ника

Когда в зале гас свет и загорались софиты, я переставала существовать. Вероника Соболева, с её паспортом, долгами и страхами исчезала в темноте. Оставался только голос. Только музыка. Только этот маленький пятачок сцены, который на три часа становился моим миром.

Я закрыла глаза на секунду и сделала вдох.

Пианист взял первый аккорд, и я почувствовала, как по коже побежали мурашки. «Summertime». Старая, как мир, колыбельная, которую здесь, в «Ауре», почему-то всегда слушали с одним и тем же выражением лиц.

Богатые мужчины, женщины с дорогими сумками, пары, которые уже перестали разговаривать друг с другом. Они все смотрели на меня, но никто из них на самом деле меня не видел.

Софиты слепили их, но так и было задумано.

Я начала петь, и зал затих. Это странное чувство когда ты одна, в луче света, а вокруг сотни людей, но ни одного звука. Только твои слова, твой голос. Я могла бы сейчас рассказать им любую тайну, и они бы не заметили. Они слышали только музыку, а слова пролетали мимо.

«Summertime, and the livin' is easy...»

Ритм медленный, тягучий, как сироп. Я позволяла голосу растекаться по залу, касаться каждого столика, каждого лица. Пианист играл чисто, профессионально, но без души.

В последнее время он смотрел на меня как-то странно. Я чувствовала его взгляд даже тогда, когда не видела — это профессиональное. За три года работы в ресторане я научилась чувствовать чужие глаза на себе. Ещё одно оружие в арсенале певицы, которую никто не воспринимает всерьёз.

А потом я чувствую его.

Взгляд, который невозможно не заметить. Он тяжёлый, почти физический — как горячее пятно на затылке. На левой стороне зала, в дальней ложе, за столиком у колонны. Я не видела его лица, потому что слишком темно, но я знала, что он смотрит. Всегда знала, когда он здесь.

Лев Громов.

Совладелец «Ауры». Человек, который появлялся в ресторане раз в неделю, а то и реже. Он не никогда говорил с официантами, не жаловался на еду, не приводил женщин. Он просто сидел в своём углу, заказывал коньяк, который почти не пил и смотрел на меня.

Три года.

Три года он приходил и смотрел. Ни разу не подошёл. Ни разу не сказал ни слова. Иногда мне кажется, что он — галлюцинация, которую у меня нет сил прогнать. Может, я его выдумала? Но Вадим, наш управляющий, здоровался с ним за руку. Пианист бледнел, когда видел его в зале. Официантки поправляли причёски и подкрашивали губы, выстраиваясь в очередь и кидая жребий, кто будет обслуживать его столик. Значит, он настоящий.

Я закончила песню и зал взорвался аплодисментами. Улыбаюсь намертво приклеенной улыбкой, которую отрепетировала за годы работы. Никто не знал, сколько сил уходило на то, чтобы держать её на лице до последнего аккорда.

Восемь песен за вечер, иногда десять. Четыре сета с перерывами по пятнадцать минут.

В перерывах я сидела в гримёрке и смотрела в потолок.

— Потрясающе, как всегда, — сказала Инга, когда я спускалась со сцены.

Она работала в гардеробе уже два года, но иногда казалось, что она главная здесь — знает всех, знает всё про всех.

Инга — моя единственная подруга в этом месте. Ей за сорок, она любит курить ментоловые сигареты и рассказывать чужие тайны. Но мои она хранит молча. За это я её и люблю.

— Спасибо, — я взяла у неё бутылку с водой. Горло пересохло, хотя пела я всего три песни. Это волнение. Оно никогда не проходит, что бы ни говорили.

— Опять пришёл, — Инга кивнула в сторону ложи. — Чего ему надо?

Я пожала плечами, хотя внутри всё перевернулось.

— Понятия не имею.

— Мужчина не приходит три года в одно место просто так, — Инга понизила голос. — Он на тебя пялится, как кот на сметану.

— Пялится? — переспросила, отпивая глоток воды прямо из горлышка бутылки. — Скорее, просто смотрит.

— А какая разница?

Хороший вопрос. Я обернулась и посмотрела в сторону его столика. Теперь там пусто. Когда он успел уйти? Во время аплодисментов? Я не заметила.

— Ты что, хотела бы, чтобы он подошёл? — Инга хитро прищурилась.

— Нет, — ответила я слишком быстро и вздрогнула.

Она не поверила, я видела это по её лицу, но ничего не сказала, только закурила сигарету, хотя в помещении курить запрещено. У Инги были свои привилегии. Директор смотрел на неё и на её выходы сквозь пальцы. Говорили, она когда-то спасла Вадиму жизнь, или что-то в этом роде.

Вот ещё непонятка — Вадим всего лишь управляющий нашим рестораном, а директор словно бы побаивался его. Но это не моё дело.

— Слушай, — Инга выпустила дым в потолок, — я у тебя давно хотела спросить. Ты почему всё ещё здесь?

— В каком смысле?

— В прямом. Ты талантливая, красивая, могла бы давно уже... ну, не знаю. Пластинку записать, на телевидение пробиться. А ты всё по ресторанам поёшь.

— Это не «рестораны», это «Аура», — поправляю я. — И я здесь не просто так.

— А почему?

Я молчала, потому что не могла сказать. Потому что правда слишком страшная, чтобы произносить её вслух. Даже здесь, даже в полупустом ресторане, даже перед Ингой, которая никогда меня не предаст.

— Ладно, не хочешь — не говори, — вздохнула она. — Но ты хотя бы подумай. И... — она замолчала и задумалась, — ... Лев Громов — это не тот, с кем стоит шутить. Я про него кое-что знаю.

— И что же?

— Был женат, развёлся. Говорят, у него связи, которые лучше не затрагивать, — Инга огляделась по сторонам. — Вадиму он помог устроиться сюда, когда у того не было ни копейки. Но не из благотворительности, и не в долг. Мутная история, которую даже я не знаю, — усмехнулась она и покачала головой. Говорят, он «решает вопросы», и иногда не совсем законными методами.

— Он бизнесмен. Все бизнесмены так или иначе...

— Ника, — Инга взяла меня за руку. — Он опасен. Я сейчас серьёзно! Держись от него подальше.

Я засмеялась, хотя на самом деле мне не было смешно.

— Я не собираюсь с ним ни шутить, ни разговаривать — это во-первых. Я не могу запретить ему приходить — это во-вторых. И он даже не подходит ко мне, Ингуш, это во-третьих.

Но внутри я знаю, что это неправда. Он подходит. Не физически, но его взгляд касается меня каждую минуту, каждую секунду, когда я на сцене. И чем дольше он смотрит, тем меньше я хочу, чтобы он останавливался.

Это неправильно.

Я знаю, что это неправильно.

Но когда я пою, я чувствую его взгляд кожей, он словно подсвечивает меня изнутри. И голос становится глубже, богаче. Я пела лучше, когда он здесь. Это факт, который я ненавидела признавать и не признавала. И он всегда уходил после последней моей песни, и ни секундой раньше.

Но Инга права, Лев — не тот человек, с которым можно было играть в кошки-мышки, и потому я никогда не смотрю прямо в его сторону, никогда не пою «для него», как делаю с любимым мужчиной в зале, если того требовала песня.

— Ладно, — Инга потушила сигарету. — У тебя ещё пять минут, потом твой выход.

— Знаю.

— «Cry Me a River» следующая?

— Да. А потом «La Vie en Rose».

— Французский? — Инга улыбнулась. — Ты знаешь, как это действует на мужчин.

— Я пою для себя, — ответила я. — А не для мужчин.

— Конечно, дорогая. Конечно.

Я пошла обратно к сцене, поднялась на неё, поправила микрофон. Прежде, чем софиты ударили в глаза, я успела заметить, что его ложа пуста. А дальше мир исчез... Остались только я и музыка.

«Cry me a river...»

Пустая ложа резанула мне по сердцу, и я чуть не дотянула ноту...

~~~

* Mikeismurphy - Summertime and the Living Is Easy

** Justin Timberlake, Larry Gold - Cry Me a River

*** Edith Piaf - La vie en rose

Глава 2

Ника

Он ушёл.

Почему мне стало так невыносимо грустно?

Песня закончилась, и я посмотрела на столик у колонны. Коньяк так и остался нетронутым, официант уже уносил его на подносе.

Обычно Лев сидел до конца моего выступления. Всего я пела сегодня девять песен — бонус за то, что кто-то из важных гостей заказал дополнительный сет. Но он ушёл после пятой.

Может, ему надоело?

Я злилась на себя за то, что вообще об этом думала.

Вечер заканчивался и я пела последнюю песню, собирая скудные аплодисменты. Сегодня зал был какой-то вялый, и я ушла в гримёрку через две секунды после последнего аккорда. Сняла с себя красивое, но неудобное платье, длинное, чёрное, с открытой спиной и уставилась на себя в зеркало.

Двадцать восемь лет. Тёмные волосы, высокая, стройная, с резкими скулами и ртом, который слишком редко улыбался по-настоящему. Моё отражение не выглядело счастливым. Оно выглядело как человек, который ждёт.

Чего? Я и сама не знала.

Я уже оделась в удобную повседневную одежду, как раздался аккуратный стук в дверь.

— Можно? — спросила голова Инги.

— Да, — я махнула рукой, приглашая её.

Она зашла с двумя чашками чая и села на продавленный диван, который помнил ещё советские времена.

— Ты сегодня молодец. Особенно «La Vie en Rose», я чуть не заплакала, — поставила она чашку с чаем для меня на столик.

— Спасибо.

— Правда. Ты вкладываешь в это что-то своё, — она сделала глоток. — Он ушёл рано сегодня.

— Кто?

— Не притворяйся. Лев.

— Я не заметила.

— Врёшь.

— Да, — я не выдержала. — Заметила.

Инга вздохнула и отпила ещё глоток ароматного чая.

— Ника, я не хочу читать нотации, ты взрослая женщина. Но с ним будь осторожна. Он не просто так смотрит, и не просто так он ходит сюда. Такие, как он, всегда платят за то, что хотят. Вопрос только в цене.

— Ты повторяешься, Инга. Я не продаюсь.

— Я знаю. Но он может подумать иначе.

Я допила чай и встала.

— Мне пора.

— Домой?

— Воздухом подышать.

Инга посмотрела на меня с подозрением, но ничего не сказала, она знала про мою тайную привычку — курить. Я начала три года назад, когда пришла в «Ауру». До этого никогда не пробовала, но стресс оказался сильнее.

Я вышла через чёрный ход на маленькую парковку, и вдохнула прохладный вечерний воздух. Вокруг — контейнеры, старая реклама, какой-то хлам. Идеальное место для того, чтобы спрятаться от всего мира.

Достала сигарету, поднесла к губам, и тут заметила, что я не одна.

Лев Громов стоял у стены, сжимая в пальцах незажжённую сигарету. В полумраке его лицо казалось высеченным из камня. Резкие скулы, тяжёлая челюсть, каштановые волосы, зачёсанные назад.

Чёрт! Он знал, что я выйду?

Не знаю, но он явно ждал меня.

Я замерла, мне захотелось тут же развернуться и уйти, но ноги не слушались.

— Вы курите? — спросил он.

Голос низкий, с хрипотцой, как у человека, который много говорит по телефону или часто молчит. Я не могу определить.

Когда я уже открыла рот, чтобы ответить правду, он вдруг тихо усмехнулся, и этот звук заставил меня передумать.

— Нет, — легко соврала я, даже не удосужившись спрятать сигареты.

— Тогда что вы здесь делаете?

— Дышу воздухом.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Пять секунд. Десять. Я не отводила глаз, хотя хотелось закричать и ударить его по лицу, по плечам, да куда угодно!

Но нет, нет. Это была наша дуэль — кто первый опустит взгляд.

Он не опустил. Ну ещё бы. Я тоже не опустила, но только потому, что меня, кажется, немного парализовало от страха и напряжения.

— Тогда, может, составите компанию? — и протянул мне зажигалку.

Серебряную, дорогую, с гравировкой, которую я не смогла разобрать в темноте.

Я не взяла.

Развернулась и сделала шаг, чтобы уйти, но вдруг услышала:

— Почему вы поёте в ресторане?

Голос спокойный, без напора, но вопрос бил наотмашь.

Я замерла на месте и чуть повернула голову вбок.

— Вам есть до этого дело? — мой голос прозвучал резче, чем я хотела.

Лев не двинулся с места, так и остался стоять, прислонившись плечом к стене, и смотрел не мигая, не отводя взгляда.

— У вас талант. Красота, — он сделал паузу, и я услышала, как он вдохнул ночной воздух.

— Могли бы попробовать... выйти на другой уровень. Записать альбом, выступать на настоящей сцене...

Внутри меня всё закипело и свернулось в тугой водоворот и я непроизвольно и резко развернулась к нему.

Сначала Инга со своими расспросами, теперь он. Как сговорились, били по одному и тому же больному месту, даже не зная, насколько оно болит.

— Не могла бы, — перебила я.

Коротко. Жёстко. Ну и пусть.

Он не отвёл взгляда, только чуть прищурился, будто просвечивая меня насквозь.

— Почему?

— Это не ваше дело.

Я поморщилась, непроизвольно, чуть сдвинув брови, но он заметил. Я видела, как в его глазах что-то поменялось и появился... Интерес? Любопытство? Нет. Что-то другое.

Он молчал.

Не давил, больше ничего не спрашивал.

Просто смотрел, теперь ещё пристальнее, ещё тяжелее. Глаза сверкали в свете единственного фонаря над дверью. В них не было жалости, и не было насмешки. Там было только холодное, терпеливое ожидание.

Чего? Моего ответа? Моего решения?

Мне стало неудобно.

— Я не ищу лёгких путей, — добавила я, хотя никто меня не спрашивал. — Устраивает?

Он медленно кивнул и убрал незажжённую сигарету в карман пиджака.

— Устраивает, — ответил. — Пока.

— Что значит «пока»?

Лев оттолкнулся от стены и сделал шаг ко мне. Один шаг, и я почувствовала запах его парфюма, древесный, с горькой ноткой табака.

— Это значит, что я умею ждать, Вероника.

Он впервые назвал меня по имени. Он впервые вообще меня заметил и заговорил со мной.

У меня перехватило дыхание.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — задала глупый вопрос, но он сорвался раньше, чем я это поняла.

Лев усмехнулся одними уголками губ, беззвучно.

— Ну кто же не знает Веронику Соболеву в нашем городе

— Что ещё?

— Пока ничего такого... — он сделал неопределённый жест рукой в воздухе. — Но я пока и не узнавал.

Опять это его «пока».

— Но очень хочется.

— И что же вам хочется узнать? — мой голос хрипел, хотя я старалась говорить уверенно, и не показывать, как мне страшно.

— Почему ты здесь, когда могла бы быть где угодно.

Я молчала, глядя ему под ноги. Не хочу. Не хочу никому рассказывать, как сама себя загнала в яму. Если уж Инга не знает, то он-то кто для меня, так с ним откровенничать?

Лев стоял и молча ждал. Секунда, другая, потом кивнул, словно получил ответ, которого и не ждал.

— Спокойной ночи, Вероника.

Развернулся и ушёл в темноту парковки, не оглядываясь. Я смотрела ему вслед, пока чёрный пиджак не слился с ночью.

И только тогда, судорожно выдохнув, заметила, что всё это время сжимала в кулаке сигарету. Курить резко перехотелось, я сломала её пополам и заторможенно смотрела на то, как осыпается табак из моих пальцев на асфальт под моими ногами.

Глава

Досье на героев
Вероника «Ника» Соболева

28 лет. 175 см. Вес — 58 кг. Тёмные волосы до лопаток, волнистые, с мерцающим отливом. Глаза — серо-зелёные, с тяжёлыми ресницами, в которых тонет свет софитов.

Внешность

Она из тех женщин, которых замечают, даже когда они молчат. Высокая, стройная, с длинной шеей и ключицами, которые так и просятся на фото в чёрно-белой гамме. Кожа бледная, почти фарфоровая, но не от болезни, от постоянной работы ночами. У неё «ресторанная бледность», как говорит Инга.

Рот — чувственный, но сжатый в привычной полуулыбке, которая ничего не выражает. Ника не позволяет себе расслабляться на людях. Её красота — доспехи. Тёмные волосы она часто собирает в низкий пучок, выпуская пару прядей, чтобы закрыть напряжённые скулы. На левом запястье — тонкий серебряный браслет, единственное украшение. Подарок матери, которой уже нет.

Голос — её главное оружие и проклятие. Контральто с хрипотцой, которая появляется только когда она поёт джаз или французские шансоны. В жизни Ника говорит тише, как будто экономит силу для сцены.

Характер

Внешне — скромная, даже застенчивая. Из-за этого её часто принимают за «удобную» — ту, которая не спорит, не требует, не устраивает сцен. Но внутри — сталь. Она подписала кабальный контракт не от глупости, а от отчаяния. У неё не было выхода: смерть матери, долги, отсутствие жилья. Теперь она ненавидит себя за ту слабость, но не может ничего изменить — пять лет контракта висят на шее гирей.

Ника умна — читает много, в основном классику и мемуары певиц. В ресторане её считают «себе на уме». Она никого не подпускает близко. Единственный человек, который видел её слёзы, — Инга, и то только раз, когда Ника сломала каблук перед выходом и едва не сорвала голос от бессилия.

Мечтает о большой сцене, но боится, что уже никогда не вырвется. Пишет песни, которые никому не показывает. В блокноте, который всегда в сумке, есть полуготовая вещь с рабочим названием «Соло для одиночки» — о том, как страшно быть одной, когда вокруг тысячи глаз.

Ключевая черта — она никогда не просит помощи. Не умеет. Даже когда ей больно, даже когда её шантажируют. Считает, что должна справляться сама. И это её самая большая уязвимость.

Тайна

Не знает, *****, *****. Когда узнаёт правду — впадает в ступор, но молчит от страха и стыда. Она будет молчать, пока *****

Лев Громов

40 лет. 190 см. Вес — 95 кг, сухие мышцы, без капли жира. Каштановые волосы, всегда зачёсаны назад, открывают широкий лоб и жёсткие скулы. Глаза — тёмно-серые, почти чёрные, с прямым, немигающим взглядом. Челюсть — квадратная, с едва заметным шрамом у подбородка (память о молодости).

Внешность

Брутальный — не то слово. Он из тех мужчин, которые заполняют собой пространство. Когда Лев входит в комнату, воздух становится плотнее. Носит дорогие костюмы, но сидят они на нём как броня — плечи расправлены, руки всегда либо в карманах, либо скрещены на груди.

На левом предплечье — большая татуировка: дракон, обвивающий волка, с горящими глазами. Символ того, кем он был до того, как стал легальным. Сейчас он прикрывает её рукавом, но когда он её обнажает, тогда видно — старые привычки не умирают. И лучше бегите, честное слово.

Пахнет древесиной, табаком и чем-то горьким, вроде ветивера. Женщины говорят, что этот запах остаётся на подушках после того, как он уходит.

Характер

Молчаливый, но не застенчивый. Лев не тратит слов. Если говорит — значит, так надо. Умеет ждать. Три года наблюдает за Никой со своей логи, не потому, что боится подойти, а потому...

В прошлом — криминал. Был «решалой», держал сети, которые сейчас лучше не вспоминать. Ушёл из игры пять лет назад, когда понял, что либо он изменится, либо погибнет. Теперь у него легальный бизнес, но связи остались. И люди, которые должны ему по гроб жизни. Лев не боится испачкать руки, если надо защитить своих.

По натуре — собственник. Но не в пошлом смысле, а в глубинном: если он выбрал женщину, то она будет под его защитой даже против её воли. Спорить с ним — бесполезно. Он не кричит, не угрожает, просто делает так, как считает нужным. И это, иногда, страшно.

Ключевая черта

Он верный и честный. Женщины были и есть, но он ничего никому никогда не обещал и не давал ложных надежд. Если у него на данный момент времени есть женщина — то он хранит ей верность.

Когда понимает, что она использует его связи и деньги, разрывает отношения жёстко и без сожалений. А вот если полюбит — не отпустит никогда. Но пока вот не получается.

Его слабость — нету.

Их химия

Она — лёд, который не хочет таять.

Он — огонь, который умеет ждать.

Каждая их встреча — дуэль взглядов. Ника отступает, Лев наступает, но без грубости. Он даёт ей пространство, которого никто никогда не давал. Она начинает доверять — впервые за много лет.

Глава 3

Ника

После той ночи на парковке я ждала, что Лев Громов исчезнет. Ну, знаете, как это бывает: мужчина задаёт неудобный вопрос, получает от ворот поворот и пропадает с горизонта, чтобы не терять лицо. Так делают нормальные люди.

Лев Громов, видимо, не был нормальным.

Он стал появляться чаще.

Раньше — раз в неделю, а то и в две. Теперь — три раза за семь дней. Он сидел в своей ложе у колонны, заказывал коньяк, который так и не пил, и смотрел. Просто смотрел. Не подходил, не заговаривал, даже не кивал и не смотрел в мою сторону. Но я чувствовала его взгляд кожей, даже когда пела спиной к залу.

— Он совсем охуел? — шепнула Инга в перерыве, кивая в сторону ложи. — Третий раз за неделю. Скоро тут жить будет.

— Может, ему еда нравится, — ответила я, поправляя платье.

— Еда?! — Инга даже поперхнулась от изумления. — А ты видела, хоть раз, чтобы он что-то ел?? Он только заказывает самое дорогое, а потом официантки это по графику домой забирают.

— Ну, может, ему атмосфера нашего ресторана нравится, — пожала я плечами.

— Ему нравишься ты. И не надо делать вид, что ты этого не замечаешь.

Я промолчала. Потому что замечала, и это пугало меня больше, чем любая угроза.

Потому что когда он смотрел — я пела лучше. Голос становился глубже, дыхание ровнее, даже блёстки на платье, казалось, горели ярче. Профессиональная деформация: ты работаешь на лучшего зрителя в зале. Проблема в том, что лучший зритель понятия не имеет, какой ценой мне даётся каждый выход на сцену.

Инга тем временем продолжала свою разведку.

— Я навела справки, — сказала она, выпуская дым в форточку гримёрки, где мы курили теперь вдвоём, хотя я всё ещё делала вид, что «просто дышу воздухом». — У Льва есть бывшая. Диана. Красивая, богатая, стерва ещё та. Они разошлись год три назад, она до сих пор на него зуб точит.

— Мне-то что?

— А то, что она может прийти сюда. И если увидит, как он пялится на тебя — не поздоровится никому.

— Я не имею отношения к их разборкам. Я даже к нему отношения не имею.

— Ты — имеешь. Потому что он на тебя смотрит так, как на неё никогда не смотрел.

— Ну тебе-то откуда знать? — я невольно улыбнулась категоричности подруги.

— Если бы он в своё время так смотрел на неё — он бы её не бросил. Такие взгляды от таких мужчин, это... — Инга замолчала, но её взгляд сказал всё: берегись, девочка, ты влезаешь в игру, где ставки выше твоего гонорара.

Я хотела ответить, но в дверь постучали. Коротко и требовательно.

— Войдите, — сказала я, поправляя вырез на платье.

Вошел мужчина, которого я никогда раньше не видела. Средних лет, в дорогом костюме, с гладко выбритым лицом и глазами, которые смотрели сквозь меня, как сквозь стекло. В руках у него была кожаная папка.

— Вероника Соболева? — спросил он без приветствия.

— Да.

— Меня зовут Аркадий. Я представляю интересы Бориса Захаровича Ковалёва.

У меня внутри всё оборвалось.

Борис. Бывший директор «Ауры». Человек, который три года назад, когда я была напугана, без денег и без крыши над головой, предложил мне контракт. На пять лет. Я подписала его, потому что выхода не было. А потом он продал свою долю в ресторане и ушёл в тень, но контракт остался. Я была привязана к этому месту, как собака к будке. Штраф — сумма, которую я не выплачу до старости.

А теперь он прислал своего пса.

— Что нужно Борису Захаровичу? — спросила я холодно.

Аркадий положил папку на стол.

— Дополнительное соглашение. О коммерческом использовании вашего образа.

— Какого образа?

— Ваших выступлений, фотографий, видеозаписей. Борис Захарович владеет правами на них согласно пункту 8.3 контракта. Он хочет расширить спектр использования.

Я открыла папку, там лежали листы, напечатанные мелким шрифтом, и яркая цветная брошюра. На брошюре — моя фотография со сцены. Эстетичная, дорогая, в стиле «нюар». И текст: «Голос «Ауры» Вероника Соболева. Эксклюзивный контент для ценителей».

— Что это? — спросила я, чувствуя, как холодеют пальцы.

— Дополнительный заработок. Вы будете получать один процент от продаж, — Аркадий улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз. — Или вы против?

— Я против того, чтобы меня использовали, не объясняя как.

— Объяснения — в контракте. Подписывайте.

Я захлопнула папку.

— Нет.

Аркадий перестал улыбаться.

— Вероника, вы не поняли, это не предложение. У вас контракт на пять лет, и вы не можете отказаться от дополнительных соглашений, если они не противоречат духу основного договора. А дух — это извлечение прибыли из вашего таланта.

— Моя внешность — не талант.

— Она — часть образа. И она уже используется, просто надо закрепить это официально.

— Нет.

— Вы не понимаете, — он вздохнул так тяжело, будто мешок цемента весь день на себе таскал и достал из кармана телефон. Что-то включил и повернул экраном ко мне.

Я увидела себя. Вернее, не себя. Женщину, похожую на меня. Те же тёмные волосы, тот же изгиб бёдер. Она была в полумраке, в маске, и мужчина... я отвела взгляд.

— Что это?

— Промо-материал. Очень дорогой, очень популярный, — Аркадий спрятал телефон. — Борис Захарович раскручивает ваш бренд, помогает вам зарабатывать ну и — получает своё, как, можно сказать, ваш импресарио.

— Зарабатываю? Я? Мой «бренд»? — я истерично рассмеялась.

Со своих выступлений в ресторане я получала на столько жалкие крохи, что мне едва хватало концы с концами сводить.

— Он не мой импресарио, и я — не бренд! Я просто пою в ресторане, на этом всё! Так и передайте Борису Захаровичу!

Я встала. Ноги тряслись, но голос прозвучал твёрдо.

— Убирайтесь.

— Вероника...

— Я сказала — убирайтесь. И передайте Борису Захаровичу, что если я узнаю, что моё лицо используют для ... для этого, я пойду в полицию.

Аркадий рассмеялся. Открыто, громко.

— В полицию? Дорогая, у вас нет доказательств, что это вы. Там всё так снято — никогда не докажешь. А вот вам есть что терять. Ваш контракт, ваша репутация, ваше будущее,— он забрал папку. — Хорошо подумайте, у вас неделя,

Он уже взял папку, но на полпути замер, будто вспомнил что-то важное. Обернулся. Теперь его глаза стали совсем ледяными.

— И ещё, Вероника. Борис Захарович одним звонком организует вам срыв контракта. Устроит так, что вы не сможете выходить на сцену по «неуважительной причине», вариантов масса. Тогда ресторан расторгнет договор по вашей вине, и вся неустойка ляжет на вас. А она, как вы помните, в десять раз больше вашего годового дохода.

— Но я не получаю никакого «годового дохода», и вы это знаете! — мой голос зазвенел слезами.

— Вы получаете всё, что вам положено, — холодно отрезал он, усмехнувшись. — Вы не сможете её выплатить, вообще никогда. Тогда Борис Захарович сделает вам великодушное предложение: новый контракт, уже на двадцать пять лет, с условием, что вы отрабатываете долг. С процентами, разумеется. Двадцать пять лет, Вероника. Вы распрощаетесь с молодостью, с мечтами, с возможностью когда-либо увидеть что-то, кроме этой сцены. Подписывайте лучше сейчас, по-хорошему. У вас неделя.

Он вышел, не попрощавшись. Дверь за ним закрылась с тошнотворным щелчком.

Глава 4

Инга, которая всё это время стояла у окна, затушила сигарету и подошла ко мне.

— Ника, что это было? Какой ещё контракт на пять лет? Какая неустойка? А деньги? Ты реально ничего не получаешь за свою работу? А видео? Что там было в видео? — она сыпала вопросами, которые, как удары молота, разбивали мою голову окончательно.

— Не сейчас, Инг. Пожалуйста, — прошептала я, прижимая пальцы к вискам.

— Ты мне вечно недоговариваешь! — взорвалась она. — Я твоя подруга или нет?

— Подруга. Поэтому прошу — не сейчас.

Я села на диван и закрыла лицо руками. Двадцать пять лет. Мне двадцать восемь. То есть до пятидесяти трёх я привязана к ресторану, где пою джаз для богатых бездельников, пока какой-то бывший директор... Нет, нет, он не мог пасть так низко! Это блеф, это просто блеф. Ну нельзя же так бесчеловечно?!

Я застонала и слёзы градом потекли из моих глаз. Инга при села рядом и молча обняла меня за плечи.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказала она. — Я не дам тебя в обиду. Вот ты успокоишься, всё мне расскажешь и я что-нибудь придумаю.

— Ты не сможешь мне помочь, Инг. Здесь никто не сможет.

Я посмотрела на дверь, за которой только что скрылся человек Бориса. И подумала: как бы я хотела, чтобы сейчас здесь оказался не он, а Лев. Чтобы Лев вошёл и сказал: «Я всё улажу». Чтобы он был не просто зрителем в ложе, а...

Я оборвала себя. Нельзя. Нельзя на него рассчитывать, нельзя впускать. Потому что если я впущу его, а потом он уйдёт, узнав правду, я не переживу. Пусть лучше так, наблюдает и молчит. Это даёт мне хоть какую-то иллюзию того, что я кому-то нужна.

А мне лучше оставаться одной.

Соло для одиночки — так называется песня, которую я никогда не допишу. Может, потому, что я всю жизнь буду одиночкой и рабой. Это я сейчас осознала так пронзительно, что у меня перехватило горло спазмом и я захрипела. Инга подскочила, налила мне тёплой вводы и поднесла стакан к губам:

— Ну что ты, Ник, что ты, — она держала стакан, не давая мне его в руки, чтобы я не уронила его, — пей, вот так, пей, маленькими глоточками... давай, ты умница, — уговаривала она меня, наклоняя стакан.

Она ничего не спрашивала, ничего не говорила, но по взгляду я поняла — она пришла в режим боевой готовности, вот только против Бориса ей не выстоять. Сотрёт. Размажет в порошок и не поморщится.

Я вышла на сцену через пять минут. Улыбнулась софитам и запела «Feeling Good». Как будто я действительно чувствовала себя хорошо.

Но это была не просто песня, это был вызов.

Выйдя на сцену, я бросила быстрый взгляд в зал и замерла. За столиком у дальней колонны, там, где обычно сидел Лев, было пусто. А в центре, в премиум-зоне, я заметила его. Аркадия. Он сидел с бокалом красного вина, откинувшись на спинку кресла, и ухмылялся. Ждал. Ждал, когда я выйду разбитой, подавленной, и сорву выступление. Или вообще не выйду. Это был спектакль унижения, и он пришёл насладиться моим провалом.

Что ж, Аркадий, ты выбрал не ту певицу.

Я взяла микрофон так, как берут оружие. Улыбнулась не репетированной улыбкой вежливой девушки, а той, от которой в зале становится жарко. И запела.

«Feeling Good» — песня о свободе, о том, как просыпается новый день, как рыба в море, птица в небе... Я пела её сотни раз. Но никогда — вот так. Никогда — глядя прямо в глаза человеку, который хотел меня уничтожить.

Мой голос взлетел выше обычного. Он стал глубже, мощнее, пронзительнее, я чувствовала, как вибрирует воздух вокруг меня, как зал затихает не от вежливости, а от настоящего потрясения. Официанты замерли с подносами, кто-то из гостей отложил вилку.

Я пела для него. Для Аркадия. Для Бориса. Для всех, кто думал, что сломал меня.

Я видела, как его ухмылка сползла, как он сжал челюсть, как его глаз дёрнулся — едва заметно, но я смотрела прямо на него, и не могла такое пропустить.

Я улыбнулась и взяла пронзительную ноту, отчего его просто перекосило, как старые ставни в развалившемся доме.

А потом я улыбалась так, что у меня чуть не треснул рот.

Я видела, как Аркадий взял вилку, ковырнул что-то в тарелке, явно не чувствуя вкуса и бросил её на столик с таким остервенением, что вилка зазвенела, подскочила и со звоном упала на пол.

Вышколенный официант тут же подскочил и поднял её, унося на кухню, чтобы тут же принести новую. Но новой вилки не потребовалось — Аркадий резко отодвинул стул, встал и, не глядя по сторонам, быстрыми шагами направился к выходу. Походка его была сбитой, злой, плечи напряжены так, что казались булыжниками. Он вышел, толкнув нашего администратора Аню, попавшуюся ему на пути и не обернулся.

Я проводила его спину и продолжила петь. Теперь — только для зала. Для тех, кто аплодировал, не понимая, чему они на самом деле стали свидетелями.

Песня закончилась под гром оваций. Я поклонилась легко, грациозно, как учили в музыкальной школе много лет назад. И только тогда, когда гости отвернулись к своим бокалам, я позволила себе кинуть взгляд в ложу.

Туда, где обычно сидел Лев.

Пусто.

Его не было сегодня. Впервые за многие недели.

Я не знала, что это значит. Злитесь? Устал? Понял, что я не стою его внимания?

Или... или он что-то узнал?

Я сжала микрофон, сделала глубокий вдох и улыбнулась софитам — тем, кто не умеет предавать.

В гримёрку я вернулась с единственной мыслью: я выстояла сегодня. Сама. Без Льва. Без Инги.

Но почему мне от этого так тоскливо?

Глава 5

Лев Громов

Я не люблю, когда что-то идёт не по моему плану.

План — это единственное, что держит этот мир в узде. Деньги, связи, люди — всё раскладывается по клеткам, если голова работает правильно. Я строил свой бизнес на планах, когда другие делали ставку на авось. И те другие сейчас либо в тюрьме, либо в земле.

Поэтому, когда я впервые увидел Веронику Соболеву три года назад, я составил план. Наблюдать. Изучать. Понять, кто она на самом деле — не на сцене, под софитами, а там, где гаснет свет.

Я не подхожу к женщинам, которые не хотят, чтобы я подходил.

Это не гордость. Это уважение. И опыт: те, кто лезет без спроса, получают либо пощёчину, либо зависимую дуру, от которой потом не отвяжешься. Ни то ни другое мне не нужно.

Но с Вероникой... чёрт. С Вероникой мой план дал трещину.

Я прихожу в «Ауру» не ради еды. Вадим, мой старый друг и совладелец, кормит меня лучше любого шефа, но я почти не чувствую вкуса, когда сижу в этой ложе. Потому что мой взгляд — только на неё. На её пальцы, обхватывающие микрофон. На изгиб шеи, когда она запрокидывает голову в высокой ноте. На тени под ключицами, которые то появляются, то исчезают в свете софитов.

Сегодня Вадим увязался за мной, когда я вошёл. Мы знакомы десять лет, он один из немногих, кто знает меня настоящего — не того Льва Громова, который сидит в совете директоров, а того, который когда-то держал в руках не только папки с документами.

— Ты как мальчишка, глаз не сводишь, — сказал он, кивая в сторону сцены, где Ника донастраивала микрофон перед выходом. — Подошёл бы уже.

Вадим любит подкалывать, у этого бессмертного поганца для этого есть особый дар — говорить колкости с таким добродушным лицом, что не обижаешься. И он не боится при этом получить в лицо. Друг.

Я усмехнулся, не поворачивая головы.

— Я не подхожу к женщинам, которые не хотят, чтобы я подходил.

Вадим поднял бровь.

— А ты проверял?

Я промолчал.

Он знал, что нет. Потому что проверка означала бы риск, риск услышать «нет». Риск разрушить то, что есть сейчас — это странное напряжение, эта игра взглядами, этот электрический ток между мной и сценой.

— Она не из тех, кто ведётся на деньги, — сказал я наконец. — И не из тех, кто бросается на шею.

— А из каких она? — Вадим сел напротив.

— Из тех, кто боится.

— Чего?

— Себя. Меня. Всего.

Вадим покачал головой, но спорить не стал. Он ушёл в сторону бара, оставив меня одного.

А потом я заметил его.

Мужчина вышел из-за кулис — из того коридора, где находилась гримёрка Вероники. Он шёл неторопливо, с папкой под мышкой, и на его лице застыла самодовольная ухмылка. Костюм дорогой, но сидит мешковато — будто он надел чужой пиджак. Глаза — цепкие, неприятные.

Я таких узнаю сразу. Это человек, который только что сделал «дело». Доволен собой. Чувствует власть.

Он занял столик в центре зала, там, где премиум-зона для особых гостей. Заказал вино, откинулся на спинку и уставился на сцену. На то место, куда должны была встать Вероника.

Ждал.

Я напрягся. Интуиция, которая не раз спасала мне жизнь, взвыла сиреной. Что этот тип делал в гримёрке? Что он ей сказал? Почему у него такое лицо — предвкушающее, хищное?

Я не знал ответов, но решил смотреть дальше.

Ника вышла на сцену. На ней было то же чёрное платье, что и в прошлый раз, но что-то изменилось. Она выглядела... меньше.словно кто-то вынул из неё стержень. А потом она взяла микрофон, и я увидел её глаза.

Они горели.

Она посмотрела прямо на того мужчину — на эту крысу в дорогом костюме. И улыбнулась.

Не той вежливой улыбкой, к которой я привык. А другой — опасной, как лезвие бритвы. И запела.

«Feeling Good».

Я слышал эту песню сотни раз. Но не так. Никогда — не так.

Её голос был глубже, мощнее, пронзительнее, чем обычно. Она пела не для зала, она пела для него. Каждое слово било в цель. Она смотрела прямо на этого типа, улыбаясь, и я видел, как ухмылка сползает с его лица, как он сжимает бокал так, что побелели костяшки, как дёргается его глаз.

Я перевёл взгляд на Нику. Она сияла, она наслаждалась своей мстостью — маленькой, музыкальной, но от этого не менее сладкой.

А потом он сломался.

Крыса бросил вилку на столик с таким остервенением, что та зазвенела и упала на пол. Он резко отодвинул стул, так, что чуть не опрокинул его, и, не оглядываясь, быстрыми шагами направился к выходу. Плечи напряжены, походка сбитая, злая.

Я проводил его взглядом. Запомнил лицо. Запомнил манеру двигаться. Потому что теперь это был мой должник. Я не знал, что он сделал, но знал одно: он заставил Нику страдать. И за это он ответит.

Сцена опустела. Ника допела под гром аплодисментов, поклонилась и, бросив быстрый взгляд в сторону моей ложи, скрылась за кулисами.

Я остался сидеть в темноте, в самой глубине, где она не могла меня увидеть, сжимая в пальцах незажжённую сигарету.

— Куда же ты влипла, девочка моя? — пробормотал я в раздумьях, что мне сейчас делать.

Вопрос повис в воздухе, не находя ответа. Я знал о ней так мало — только то, что она красиво поёт, что у неё нет никого, кроме Инги, и что она боится, когда я смотрю. Но этот страх был не страхом перед мужчиной. Это был страх перед доверием.

А теперь появился он. Тип с папкой и самодовольной ухмылкой. И Ника... она не испугалась. Она вышла и спела ему в лицо. Значит, она не слабая. Значит, она борется.

Но одной песней тут не отделаться.

Я достал телефон, набрал сообщение своему человеку — Хмырю, хакеру, который находит всё, что спрятано.

«Пробить мужчину, средних лет, дорогой серый костюм, в «Ауре» сегодня вечером. Был в гримёрке у певицы. Фото скину позже».

Ответ пришёл через минуту: «Жду».

Я убрал телефон и посмотрел на пустую сцену. Сегодня я уйду раньше, но не потому, что мне надоело. А потому, что у меня появилась работа.

Три года я просто смотрел. Думал, что время — мой союзник. Что она сама сделает шаг, когда будет готова.

Ошибался. Я пиздецки не по-децки ошибался. Недооценил я Веронику, недооценил.

Но, время не ждёт и враги, кажется, не дремлют. То, что они ещё не знают, что они — мои враги — их проблемы.

Надо было подойти раньше, но кто тебе, Громов, виноват, что ты сам себе Буратино?

Но лучше поздно, чем никогда. Но это «поздно» будет чуть позднее. Позднее, но будет.

Я встал, поправил пиджак и пошёл к выходу. На пороге остановился и обернулся на сцену.

Она выйдет снова. Через пятнадцать минут.

А меня уже не будет.

Глава 6

Ника

Дома я чувствовала себя почти в безопасности.

Почти — потому что настоящей безопасности не бывает, когда ты знаешь, что за дверью тебя может ждать что угодно. Но эти стены, дешёвые обои в цветочек, старенький диван, на котором я спала, ела и писала песни, — они были моей крепостью. Маленькой, убогой крепостью, но моей.

Квартира на окраине, две комнаты, из которых одна — проходная, вечно пахнет сыростью, а окна выходят на шумную трассу. Мечта, которую я не выбирала, но за которую была благодарна просто потому, что это было не подвал и не общежитие.

Сегодняшний вечер выдался тихим. Я заварила чай, включила блюз — Нину Симон, старую, хриплую, как моя душа, и разложила на столе листы с нотами. Репертуар на следующую неделю требовал обновления. Директор Вадим просил добавить что-то «пободрее», но я всё тянула с выбором.

«My Baby Just Cares for Me»? Слишком игриво. «Don't Let Me Be Misunderstood»? Слишком честно.

Я взяла карандаш и сделала пометку на полях: «Feeling Good — оставить». Сегодняшнее исполнение показало, что эта песня работает. Даже проклятый Аркадий не устоял.

При упоминании этого имени у меня свело скулы. Я вспомнила его лицо, его ухмылку, его слова о контракте на двадцать пять лет. До пятидесяти трёх. Вся жизнь в ресторанной клетке.

И ещё это видео. Женщина в маске, так похожая на меня. Борис, который наживается на моём облике.

Я сжала карандаш так, что он хрустнул.

— Не думай об этом, — громко сказала я пустой комнате. — Не сейчас. Сейчас — только музыка.

Я включила запись, где сама же напевала черновик новой песни. Рабочее название — «Соло для одиночки». Я писала её уже полгода, никак не могла закончить. Там были слва:

«Когда гаснет свет, я остаюсь одна

В толпе невидимок, которым не нужна...»

Дальше я не знала, что писать. Потому что не знала, будет ли у этой песни хэппи-энд.

Я откинулась на спинку дивана, закрыла глаза и позволила музыке унести меня. Нина Симон пела о любви и боли, и я почти задремала.

А потом раздался звонок, резкий, требовательный, в три коротких удара.

Я вздрогнула, села. Посмотрела на часы — половина двенадцатого ночи. Кто в такое время? Инга иногда забегала после смены, если у неё были новости. Она знала, что я не сплю до часу, пью чай и мучаю ноты. И она не любила ждать, рыжая бестия.

Я встала, поправила домашнюю футболку и пошла к двери. Накинула цепочку для порядка, спросила:

— Кто там?

С той стороны двери прозвучал хриплый и уверенный голос с той стороны, слишком знакомый, но я не узнала его сразу.

— Открывай, Вероника. Это я.

— Кто «я»?

— Борис. Борис Захарович. Не ломай комедию, открывай.

Сердце ухнуло вниз, как камень в воду.

Борис Коваль. Бывший директор «Ауры». Человек, который три года назад подарил мне надежду, а потом превратил её в кандалы. Я не видела его с тех пор, как он продал свою долю и исчез с горизонта. Почему он здесь? Зачем?

Я не стала снимать цепочку.

— Поздно, я не принимаю гостей. Приходите в ресторан, если есть вопросы.

— Вероника, — его голос стал тише, но от этого только опаснее. — Открой дверь. Не заставляй меня ждать.

— Я сказала — нет.

Я сделала шаг назад, собираясь запереться ещё и на замок. Но не успела. Цепочка жалобно звякнула, и дверь с грохотом распахнулась — он пнул её ногой, с такой силой, что я отлетела к противоположной стене, ударилась спиной о стенку и рухнула на пол.

Боль пронзила позвоночник, в глазах потемнело на секунду, я зажмурилась, потом открыла и увидела его.

Борис Захарович Коваль, собственной персоной. Шестьдесят лет, но выглядит на все семьдесят — обвисшие щёки, мешки под глазами, редкие седые волосы, зачёсанные на лысину.

Одет в дорогой, но мешковатый костюм, словно когда-то он был в форме, а теперь расползся во все стороны от своего дерьма. От него пахло потом и дешёвым одеколоном, которым он пытался перебить более старые запахи.

Он вошёл так, будто был здесь хозяином. Огляделся, брезгливо морщась.

— И в такой конуре живёшь? — сказал он, не глядя на меня. — Неужели не заработала на приличное жильё? Хотя чему я удивляюсь, ты же всегда была жалкой неумёхой.

Я попыталась подняться, ноги тряслись, спина ныла. Ухватила за косяк и встала, тяжело дыша.

— Что вам нужно, Борис Захарович? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он наконец посмотрел на меня, брезгливо и изучающе, как на жука, которого можно раздавить, но сначала хочется покрутить в пальцах.

— Дополнительное соглашение, которое тебе приносил Аркадий. Ты не подписала.

— И не подпишу.

— А зря, — он вытащил из кармана пиджака сложенный лист и бросил его на мой обеденный стол. — Вот оно. Подписывай сейчас.

Я перевела взгляд на бумагу, потом на него.

— Нет.

Борис тяжело вздохнул, так вздыхают учителя, столкнувшиеся с безнадёжно глупым учеником. Подошёл ко мне почти вплотную и я почувствовала запах его перегара и сигарет.

— Вероника, ты, видимо, не понимаешь серьёзности ситуации. Твой контракт на пять лет — это фигня. Я могу разрушить его одним щелчком пальцев, и тогда ты будешь должна мне столько, что до старости не расплатишься. А если откажешься подписывать сейчас — я добьюсь двадцати пяти лет. Хочешь петь в «Ауре» до пенсии? Хочешь, чтобы тебя поменяли на более молодую, а ты мыла полы в подсобке, отрабатывая долг?

— Вы не посмеете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.